

A woman with long dark hair, wearing a red cape and a green dress, stands in a lush forest. She is looking towards a large, ornate, multi-towered castle or cathedral that appears to be built into the forest. The scene is misty and atmospheric, with sunlight filtering through the trees. The woman is holding a sword or staff.

Сергей Пушкин

Оборотень

Сергей Пушкин

Оборотень

<https://litres.ru/74144853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад Анна выжила в резне в Зелёном Лесу. Теперь в столицу прибывает загадочный имперский маг Корвус, и девушкам предстоит сопровождать его в обратный путь — туда, где спит древнее зло, и понять, кто он на самом деле: союзник или предвестник новой беды.

Сергей Пушкин

Оборотень

ОБОРОТЕНЬ

Глава 1. Год спустя

Осень в столице выдалась сырой и промозглой. Дожди шли уже третью неделю, не переставая, и даже казарменные стены не спасали от холода, который пробирался сквозь щели и оседал в костях. Элис сидела на подоконнике, прислонившись спиной к мокрому стеклу, и смотрела, как капли скатываются по мутной поверхности, размывая очертания плаца. Внизу, на сером месиве из грязи и воды, никого не было. Только лужи, в которых отражалось тяжёлое осеннее небо. Плац стоял пустым — мокрым, холодным, безжизненным.

За спиной возилась Анна, перебирая вещи в своём сундуке.

— Ты так и будешь сидеть как ворон? — спросила она, не оборачиваясь. — Тренировка через час.

— Успею, — лениво отозвалась Элис. — Глен только что пробежал в сторону комендатуры. Значит, у него опять совещание.

— С чего ты взяла, что совещание?

— А с чего ещё он бежит к коменданту в такую рань? — Элис пожала плечами. — И потом, каждый раз после таких встреч он срывается на новобранцах. Гоняет их до седьмого пота, пока они не начинают падать с ног. А потом всё равно недоволен. Значит, нам с тобой снова придётся его развлекать.

Анна усмехнулась и захлопнула сундук.

Их комната была маленькой: две койки вдоль стен, два сундука, один стол, один стул и узкое окно, выходящее на плац. Им выделили её в первую же неделю службы, когда стало ясно, что две девушки среди сотни парней — это проблема. Не для девушек, для парней. Комендант тогда сказал коротко: «Чтобы не было соблазнов и разборок». И хотя комната была тесной и холодной, Элис и Анна привыкли. Они делили её уже полтора года.

На стене над койкой Анны висел её старый меч — тот,

которым она почти не пользовалась. На подоконнике у Элис стояла кружка с засохшим чаем. На столе — засохшее чернильное пятно, которое никто не смывал, и тетрадь Анны, где она иногда записывала свои мысли.

— Ему нелегко, — сказала Анна тише. — После Глама от его отряда осталось только трое. Он, я и Гвоздь. Остальные семь погибли. Ему пришлось набирать новых людей, а пока они не готовы — он сам их тренирует. Хотя никогда тренером не был и не хотел им становиться.

Анна замолчала на мгновение, глядя в стену. Воспоминания о Гламе всё ещё жили в ней — Элис видела это по тому, как напряглись её плечи, как пальцы сжались в кулак.

Элис помолчала. Она знала эту историю — Глен рассказывал коротко, без подробностей, но по его лицу было видно, что он до сих пор помнит каждого из семерых.

— Мог бы просто передать новобранцев кому-то другому, — сказала Элис.

— Мог бы, — согласилась Анна. — Но он сказал: «Это мои люди. Я должен их сделать такими, чтобы они не повторили ошибок». Я за это его уважаю.

Элис ничего не ответила. Она видела Глена на плацу, когда он работал с новыми бойцами, — злого, требовательного, неуступчивого. Он не давал поблажек никому, и новобранцы его боялись. Но Элис знала, что за этой жёсткостью стоит что-то другое. Потеря почти всего отряда оставила в нём пустоту, которую он пытался заполнить работой.

Она спрыгнула с подоконника и потянулась, хрустнув костями.

— Знаешь, — сказала она, — я слышала вчера странную новость. На рынке старый торговец шёпотом рассказывал, что имперская делегация уже выехала из своей столицы и через несколько дней будет здесь. Говорят, сам маг императора едет. Какой-то высокий чин. Может, шпионы.

Анна подошла к подоконнику, взяла висящую на крючке перевязь и проверила, как лежит клинок. Пальцы привычно скользнули по ножнам.

— Шпионы не ездят с официальными визитами, — сказала она. — Они ездят тихо и без имени.

Элис усмехнулась:

— А ты откуда знаешь, как ездят шпионы?

— Мне отец рассказывал. У него богатая фантазия.

Анна усмехнулась, но в голосе её послышалась грусть. Она видела отца редко — раз в неделю, когда у него находилось время. Она скучала по нему, но никогда не говорила об этом вслух. В прошлый раз Дункан сказал ей: «Ты сильнее, чем думаешь. Но сила без контроля — это смерть». Анна тогда не поняла, что он имел в виду, но слова застряли в голове.

— Слушай, — вдруг сказала Анна, — а ты слышала, как тебя теперь называют?

Элис остановилась, нахмурившись.

— В смысле?

— В казармах, — Анна затянула перевязь и повернулась к ней. — Все шепчутся. Тебя называют «Искра».

Элис удивилась. Мгновение она молчала, обдумывая услышанное.

— Почему?

— Ты серьёзно не знаешь? — Анна скрестила руки на груди. — После того боя в порту, когда вы накрыли склад «Крыс»... Четверо на одну, а ты их положила так, что они ещё неделю встать не могли. Ты светилась, Элис. И люди видели.

Элис отвернулась, скрывая улыбку.

— Я не светилась.

— Ты сама мне рассказывала, что в тот момент чувствовала странный прилив сил. Что тело стало лёгким, а удары — быстрее обычного. Так?

Элис не ответила. Она перевела взгляд на дождь за окном.

— У тебя есть дар, Элис, — тихо сказала Анна. — Как бы ты это ни называла. Не порти его глупостями.

— А ты? — вдруг спросила Элис, переводя взгляд на неё.
— Что говорят о тебе?

Анна помедлила, поправила ремешок на руке.

— Они называют меня «Перегрузка».

— Это из-за перчаток?

— Частично. — Анна подошла к сундуку, открыла крышку и достала две серебристые перчатки. Они лежали в шкапулке, аккуратно переложенные тканью. — И ещё потому, что я перегружаю себя, когда они на мне. Энергия проходит через руки, делает их тяжелее, сильнее... Но если перестараться — я могу не выдержать собственной силы.

Элис знала. Она помнила, как год назад Анну привезли в лазарет — изломанную, бледную, едва дышащую. Она не была в Гламе, не видела того боя, но видела, что осталось от её подруги. Помнила запах крови и мазей. Помнила лицо Дункана, когда он сидел у постели дочери. Помнила, как Анна пришла в себя и первые слова были о том, что она не может пошевелить пальцами. Помнила, как она училась заново сжимать кулак.

Элис узнала о случившемся только когда Анну уже привезли в столицу. Она прибежала в лазарет, как только услышала новость, и три дня почти не отходила от её постели — почти не спала, почти не ела, просто сидела рядом и ждала, когда Анна откроет глаза. А когда это наконец случилось, Элис ничего не сказала. Только сжала её руку.

Она никогда не говорила ей о том, как было страшно. И

никогда не скажет.

И каждый раз, когда Анна брала перчатки в руки, страх сжимал грудь Элис ледяной рукой. Она не показывала этого. Никогда.

— Ты всё ещё боишься? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Анна посмотрела на перчатки, на серебристый холод металла, потом на Элис.

— Не боюсь боли, — сказала она медленно. — Я боюсь того, что сделаю, если сорвусь. Если ударю слишком сильно. Если не остановлюсь вовремя. Я помню, что было в Гламе. Я чуть не сожгла себя изнутри. И я боюсь, что в следующий раз просто не смогу остановиться.

Она помолчала, потом убрала перчатки в сундук.

— Поэтому я не боюсь их использовать. Я уважаю то, что они могут сделать. И не хочу повторять ошибку.

Элис смотрела на неё и молчала. Иногда слова Анны пугали её больше, чем любое оружие.

Она хотела что-то сказать, но в коридоре послышались шаги, а следом — голос Глена:

— Строиться! Через пять минут во дворе!

Глен заглянул в комнату — невысокий, коренастый, с длинными светлыми волосами, собранными в низкий хвост. За те полтора года, что Элис знала его, он почти не изменился, разве что стал чуть суше и жёстче. Она помнила его ещё до Глама — командира отряда, который никогда не занимался новобранцами, потому что это было ниже его достоинства. Теперь он сам стоял на плацу с зелёными юнцами, учил их держать меч и не умирать в первом же бою. И ненавидел это занятие лютой, молчаливой ненавистью.

Глен задержал взгляд на Анне на мгновение дольше, чем на Элис. В его глазах мелькнуло что-то — тревога? Или просто усталость, которая уже стала привычной?

— Я же говорила, он злой, — усмехнулась Элис, направляясь к выходу.

Глен перевёл взгляд с неё на Анну, потом обратно.

— Не злой. Уставший, — поправил он. — И если вы сейчас же не выйдете, я вас заставлю бегать в доспехах до вече-

ра.

— Не преувеличивай, сержант, — отозвалась Элис через плечо. — Мы уже почти готовы.

Они вышли в коридор. Глен ждал у лестницы, постукивая пальцами по перевязи.

— Вы сегодня вялые, — сказал он, глядя на них.

Элис шагнула вперёд, но остановилась на секунду, глядя на его лицо. В нём было что-то новое — не просто усталость, а что-то похожее на напряжение.

— Ты чего такой сегодня? — спросила она тихо.

Глен посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на Анну.

— После тренировки ко мне зайдите. Обе.

И он развернулся, не дожидаясь ответа.

Анна плотно закрыла дверь комнаты, на миг задержавшись, сжала ремни перчаток, чувствуя, как холодное серебро давит на пальцы.

— Анна, — позвала Элис уже от лестницы. — Идешь?

Анна подняла голову, встряхнула волосы, словно прогоняя тяжёлые мысли.

— Да. — Она догнала подругу и пошла рядом. — Ты думаешь, делегация из Империи действительно приедет?

— Я думаю, что дождь не закончится до самой зимы, — усмехнулась Элис. — А про делегацию... Все врут, Анна. Вопрос только в том, во что мы готовы поверить.

На плацу их уже ждали, и сержант Глен смотрел на них так, что даже Элис на секунду стало не по себе. Анна поправила перевязь, сжала левую перчатку и сказала:

— Всё будет хорошо. Мы справимся.

Элис посмотрела на неё. Светлые глаза, серое небо над головой, запах мокрой земли и ржавого металла.

— Мы всегда справляемся, — ответила она, поправляя кольчугу. — Вопрос в том, чего это стоит.

Анна ничего не ответила.

Тренировка прошла тяжело. Дождь превратил плац в мессиво из грязи и воды, и даже самая простая строевая подготовка превращалась в испытание. Глен гонял новобранцев по кругу, заставлял их отрабатывать удары по мокрым чучелам, и к концу занятия у всех был такой вид, словно они провели час в болоте.

Элис и Анна держались в стороне, отрабатывая связки друг с другом. Анна двигалась быстро, но осторожно — она всё ещё берегла руки после Глама. Элис замечала это каждый раз: как Анна чуть придерживает удар, как не вкладывает всю силу. Она знала, что подруга боится не врага, а себя, и ничего не могла с этим поделать.

Когда новобранцы разбежались по казармам, Глен поймал их взглядом и кивнул, подзывая к себе.

Они подошли. Глен оглянулся по сторонам — никого рядом не было — и сказал:

— Идёмте.

Он привёл их в свой кабинет — небольшую комнату с одним столом, двумя стульями, койкой у левой стены и картой на стене. Сел за стол, указал им на стулья. Элис и Анна сели.

— Дождь, — буркнул он, потирая переносицу. — Третий день не могу высушить сапоги.

— Погода не меняется, — философски заметила Анна. — Ты привыкнешь.

— Я уже привык. Мне это не нравится.

— Всё тебе не нравится, — поддела Элис. — Тебе даже наш чай не нравится.

— Чай у вас кислый, — буркнул Глен.

Элис и Анна переглянулись. Глен редко говорил о том, что чувствует, и эта короткая фраза сказала больше, чем долгий разговор.

— Что случилось? — спросила Анна.

Глен наклонился вперёд, понизил голос:

— Сегодня утром я получил приказ. Из кабинета заместника.

— Прямо от Рейгара? — удивилась Элис.

— Да, — кивнул Глен. — Послезавтра в столицу прибывает делегация из Империи. И нас с вами приписали к сопровождению.

Элис переглянулась с Анной. Обе молчали.

— Зачем? — наконец спросила Анна. — Мы же не дипломаты.

— Ты думаешь, наместник приглашает гостей ради дипломатии? — усмехнулся Глен. — Этот визит — проверка. Империя хочет посмотреть, что мы из себя представляем. А мы должны показать, что не боимся.

— И кто именно приезжает? — спросила Элис.

Глен помолчал, словно подбирая слова. Потом ответил:

— Маг императора. Его зовут Корвус. В имперских кругах у него прозвище... «Оборотень».

Элис переглянулась с Анной. На рынке говорили о «маге», но не называли имени. Теперь оно обрело плоть.

— Тот самый? — тихо спросила Анна.

Глен кивнул.

— Тот самый.

Элис сжала кулак под столом. Она чувствовала, как в груди разрастается напряжение — вязкое, горячее, незнакомое. Это не было страхом. Это было чувство, словно она стоит на краю обрыва и знает, что ей придётся прыгнуть.

— И что мы должны делать? — спросила она.

Глен не ответил сразу. Он перевёл взгляд на дождь за окном, на тёмные лужи в лужицах света, и сказал негромко:

— Встретить. Следить. Быть начеку. И никому не доверять, даже если они будут улыбаться.

Анна медленно сжала руку в кулак и закрыла глаза.

— Послезавтра, — сказала она.

— Послезавтра, — повторил Глен.

Они вернулись в свою комнату уже почти в полной темноте. Элис зажгла свечу, поставила на подоконник и села на койку, скинув сапоги. Анна опустилась на свою, обхватив ко-

лени руками.

Дождь за окном усилился, забарабанил по стеклу.

Элис смотрела на свет свечи и перебирала в голове слова Глена. Корвус.оборотень. Маг императора. Она слышала истории о нём — как он перевоплощается в волка, в пантеру, в птицу. Говорили, что он может принять любую форму. И что у него глаза как у зверя даже в человеческом обличье. Что он чувствует запах страха и может убить одним движением.

Она не знала, правда ли это. Но она знала: такие люди не приезжают просто так.

— Анна, — сказала она негромко.

— Мм?

— Если послезавтра что-то пойдёт не так, что ты сделаешь?

Анна посмотрела на неё. В свете свечи её лицо казалось старше, чем было.

— Зависит от того, что именно пойдёт не так, — ответила

Анна.

— А если он окажется тем, кем его называют?оборотнем. И у него будут другие планы, а не просто дипломатия?

Анна помедлила. Потом сказала:

— Тогда я сделаю то, что должна. Ты меня знаешь.

— Знаю, — ответила Элис. — Именно поэтому я и спросила.

Она погасила свечу и легла. В темноте комнаты было слышно только дыхание подруги, скрип старой койки и шум дождя.

— Ты спишь? — спросила Элис шёпотом.

— Нет, — ответила Анна. — Просто не могу. Сон плохой.

— Опять Глам?

Анна молчала долго. Потом выдохнула, словно сбрасывая груз.

— Я не хочу больше туда возвращаться, — сказала она

тихо. — Но каждый раз, когда я закрываю глаза, я снова там. В том тронном зале. Среди тел. И знаешь, что самое странное? Я не помню лиц. Только запахи. Кровь, дым, холодный камень. И жёлтые глаза.

Элис не знала, что ответить. Она не была там. Она не видела того, что видела Анна. Она могла только слушать и чувствовать холод, который шёл от подруги, даже через разделявшую их темноту.

— Ты веришь, что он приехал просто так? — спросила Анна. — Корвус. Имперский маг.

Элис помолчала.

— Нет, — ответила она. — Такие люди не приезжают просто так. Они приезжают смотреть. Оценивать. Искать слабые места.

— И что мы будем делать?

— То, что сказал Глен. Смотреть. Следить. И не доверять.

Анна повернулась на спину, уставилась в тёмный потолок.

— А если он окажется опаснее, чем мы думаем?

Элис усмехнулась в темноту.

— Тогда мы сделаем то, что должны. Ты меня знаешь.

— Знаю, — тихо сказала Анна. — Именно поэтому я и спросила.

Тишина повисла в комнате. Дождь за окном не утихал.

Анна села на койке, спустила ноги на пол.

— Давай спать, — сказала она. — Завтра будет долгий день.

Она легла, закрыла глаза. Элис тоже легла, но не спала. Смотрела в тёмный потолок и думала о том, что приезд имперского мага может изменить всё. Или не изменить ничего.

Глава 2. Семья

Дождь к утру не утих, но сделался мельче — таким, который не столько льёт, сколько висит в воздухе, оседая на кожу липкой прохладой. Элис проснулась раньше сигнала, поле-

жала с открытыми глазами, глядя в серый потолок. Рядом на койке тихо дышала Анна — сон её был глубоким и ровным, без той привычной тревоги, которая иногда просыпалась по ночам, когда ей снился Глам.

Элис поднялась, бесшумно оделась и выскользнула в коридор. У неё был час до общего построения, и она хотела провести его дома.

Дом Элис стоял в южной части столицы, на улице, которую местные называли Купеческой. Здесь было чисто, тихо и пахло дорогим деревом. Двухэтажный особняк с черепичной крышей и кованой решёткой на окнах принадлежал её отцу — и выглядел так, будто его хозяин никогда не знал, что такое бедность.

Элис толкнула калитку, прошла через маленький сад и уже на крыльце услышала голоса.

— Я говорю, это не дело, — раздался из прихожей басыстый, весёлый голос отца. — Ты посмотри, до каких размеров выросли цены на шерсть! Скоро мы будем расплачиваться за овец золотом.

— Ты преувеличиваешь, — ответил спокойный женский голос. — Шерсть подорожала на двадцать процентов, не на

двести.

— А я говорю: если так пойдёт дальше, мы будем разводить овец прямо во дворе. Скажи мне, Ирма, где я найду место для отары в центре столицы?

Элис улыбнулась и вошла в дом. В прихожей было тепло и пахло хлебом. Отец стоял в дверях гостиной с чашкой чая — высокий, поджарый, с копной седеющих светлых волос и весёлыми глазами.

— Явилась! А я уж думал, ты не придёшь.

— Ты знаешь, что я прихожу, когда могу, — сказала Элис, скидывая плащ.

— Могла бы и чаще. Как там твоя служба?

— Нормально.

— Нормально — это скучно. Ты уже рассказывала про порт, про «Крыс». Что нового?

Элис на секунду задумалась. Она вспомнила, как в прошлый раз мать сказала: «Имперцам не верь». И отец добавил: «Они вежливые, пока нож в спину не воткнут».

— Ничего особенного, — сказала она. — Муштра, тренировки, патрули.

Отец недоверчиво хмыкнул, но не стал давить.

— Тогда проходи. Мать на кухне, она тебя заждалась.

Ирма стояла у плиты — невысокая, с короткими светлыми волосами, на которые уже пробивалась седина у висков. Гвардейская форма застёгнута до самого верха, на поясе кинжал. Её прозвище в гвардии было «Лиса» — за хитрость и чутьё, и Элис знала эту историю с детства. Мать была в патруле, когда заподозрила неладное в порту: купцы вели себя странно, товар пах необычно. Она проверила сама, нашла заражённую чумой ткань и изолировала продавцов. Тогда она предотвратила эпидемию в столице. С тех пор её и звали Лисой — за то, что вынюхала заразу, как лиса мышь под снегом.

Мать обернулась, окинула дочь изучающим взглядом и коротко кивнула.

— Хорошо выглядишь. Не худая, не бледная. Значит, кормят нормально.

— Не жалуемся, — Элис взяла с тарелки кусок хлеба.

— Отца видела?

— Видела. Он опять про овец.

— Он всегда про овец. — Ирма сняла котелок с огня, вытерла руки о тряпку и повернулась к дочери. — Ты на построение?

— Через час.

— Тогда садись. Чай, и я тебя отпущу.

Они сели за стол. Мать налила чай, отец примостился рядом. Ирма на мгновение задержала взгляд на дочери, и в этом взгляде было что-то такое, от чего Элис почувствовала себя маленькой девочкой, которая пытается спрятать разбитую чашку. Мать смотрела не строго, но внимательно — как смотрит охотник, заметивший след и решающий, идти по нему или подождать.

— Ты уверена, что ничего не хочешь сказать? — спросила Ирма, глядя прямо в глаза.

Элис выдержала этот взгляд. В нём не было ни упрёка, ни

жалости — только холодная, спокойная оценка. Отец перестал улыбаться, перевёл взгляд с жены на дочь, но ничего не сказал.

— Я не знаю ещё ничего такого, что стоило бы говорить,
— ответила Элис.

Мать кивнула, отпуская.

— Хорошо. Тогда не говори.

Отец хмыкнул, переводя разговор:

— Слушай, я слышал в городе разговоры, что имперцы зашевелились. Это правда?

Элис сжала чашку сильнее, чем следовало. Она хотела сказать «слухи», но слова застряли в горле. Она не любила врать родителям — и не умела. Поэтому она просто опустила глаза и пожала плечами.

— В городе всегда что-то говорят, — уклончиво ответила она.

— Может быть. Но если имперцы начнут что-то всерьёз, я хочу знать, кто из них будет нос задирать.

Ирма перевела взгляд на мужа, потом на дочь. Она видела, как Элис сжала чашку. Но не стала давить.

— Оставь её, Альберт. Если нужно будет — она расскажет сама.

— Я знаю. — Он пожал плечами. — Но у меня есть партнёры, которые торгуют в тех краях, и они говорят, что тамошний император очень хочет расширить свои границы. Очень хочет.

Ирма подняла голову, посмотрела на мужа с тревогой.

— Ты уверен?

— Не уверен, — ответил Альберт. — Но когда люди начинают говорить о войне, я начинаю думать о деньгах. А когда я начинаю думать о деньгах, мне становится не по себе.

Элис слушала, сжимая чашку. Слова отца отозвались в ней глухой тяжестью. Она хотела сказать, что знает о Корвусе, что Глен уже дал им приказ, что послезавтра они будут встречать мага императора. Но вместо этого она сделала глоток чая и промолчала.

— Мне пора, — сказала она, ставя чашку на стол. — Спасибо за чай.

Она встала, накинула плащ. Отец проводил её до двери. У самого порога он вдруг стал серьёзным, без обычной улыбки. Он положил руку ей на плечо и сжал его так, как делал только в те редкие моменты, когда хотел, чтобы она запомнила его слова.

— Элис, — сказал он негромко. — Помнишь, что я говорил тебе о твоей... особенности?

Она замерла. Они редко говорили об этом вслух. Отец называл это «Вспышкой» — и не знал, откуда она взялась у него самого, а потом передалась дочери. Он никогда не мог объяснить, что это такое. Только знал, что это опасно.

— Помню, пап, — ответила она.

— Если придётся её использовать — делай это с умом, — сказал он. — Она может спасти. И убить. Не рискуй без нужды.

— Хорошо, — сказала Элис.

Он помолчал, потом добавил:

— И если имперцы приедут — не пытайся быть героиней. Ты сильная, но не бессмертная. Помни об этом.

Элис хотела пошутить, сказать что-то лёгкое, как она делала всегда, чтобы не показывать, как ей страшно. Но шутка не пришла. Она просто смотрела на отца и чувствовала, как его рука всё ещё лежит у неё на плече — тёплая, тяжёлая, знакомая с детства.

— Я запомню, — ответила она.

Он убрал руку, и Элис вышла за дверь. Дождь встретил её сырым лицом и запахом мокрой листвы.

Когда она вернулась в казарму, Анна уже сидела на койке с перевязью в руках.

— Где ты была?

— Дома, — сказала Элис, садясь рядом. — Проверила, как там отец с матерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.